К. Хорни
БАЗИСНЫЙ КОНФЛИКТ

Данная работа завершает серию работ по теории невроза середины 40-х годов выдающейся американской исследовательницы немецкого происхождения и представляет первое в мировой практике систематическое изложение теории невроза — причин невротических конфликтов, их развития и лечения. Подход К. Хорни радикально отличается от подхода З. Фрейда своим оптимизмом. Несмотря на то, что она счи¬тает фундаментальный конфликт более разрушительным, чем З. Фрейд, ее взгляд на возможность его окончательного разрешения более позитивен, чем у него. Развитая К. Хорни конструктивная тео¬рия невроза до сих пор остается непревзойденной по широте и глубине объяснения невротических конфликтов.

Печатается по изданию: Хорни К. Наши внутренние конфликты. — СПб, 1997.

Конфликты играют бесконечно большую роль в не¬врозе, чем обычно считается. Однако их выявление не яв¬ляется легким делом — отчасти из-за того, что они носят бессознательный характер, но большей частью из-за того, что невротик не останавливается ни перед чем, чтобы отвергнуть их существование. Какие симптомы в этом слу¬чае могли бы подтвердить наши подозрения относительно скрытых конфликтов? В примерах, ранее рассмотренных автором, об их существовании свидетельствовали два достаточно очевидных фактора.

Первый представлял результирующий симптом — усталость в первом примере, воровство во втором. Дело в том, что каждый невротический симптом указывает на скрытый конфликт, т.е. каждый симптом представляет более или менее прямой результат некоторого конфликта. Мы постепенно познакомимся, что делают неразрешенные конфликты с людьми, как они продуцируют состояние тревоги, депрессии, нерешительности, вялости, отчужденности и так далее. Понимание причинного отношения помогает в подобных случаях направить наше внимание от очевидных расстройств к их источнику, хотя точная природа этого источника и останется скрытой.

Другим симптомом, указывающим на существование конфликтов, была непоследовательность.

В первом примере мы видели человека, убежденного в неправильности процедуры принятия решения и допущенной по отношению к нему несправедливости, но не выразившего при этом ни одного протеста. Во втором примере человек, высоко ценивший дружбу, принялся красть деньги у своего друга.

Иногда невротик сам начинает осознавать такие непоследовательности. Однако гораздо чаще он не видит их даже тогда, когда они совершенно очевидны неподготовленному наблюдателю.

Непоследовательность в качестве симптома столь же определенна, как и повышение температуры человеческого тела при физическом расстройстве. Укажем на самые распространенные примеры такой непоследовательности.

Девушка, желающая во что бы то ни стало выйти замуж, тем не менее, отвергает все предложения.

Мать, сверх меры заботящаяся о своих детях, забывает дни их рождения.Человек, всегда щедрый по отношению к другим, боится потратить даже немного денег на самого

себя.Другой человек, страстно жаждущий одиночества, ухитряется никогда не быть одиноким.Третий, снисходительный и терпимый к большей части других людей, чрезмерно строг и требователен по отношению к самому себе.
В отличие от других симптомов непоследовательность позволяет часто выдвинуть пробное допущение относитель¬но природы скрытого конфликта.
Например, острая депрессия обнаруживается только, если человек поглощен какой-либо дилеммой. Но если явно любящая мать забывает дни рождения своих детей, мы склонны предположить, что эта мать больше предана своему идеалу хорошей матери, чем собственно детям. Мы могли бы также предположить, что ее идеал столкнулся с бессознательной садистской склонностью, что и по¬служило причиной нарушения памяти.
Иногда конфликт появляется на поверхности, т.е. воспринимается сознанием именно как конфликт. Может показаться, что это противоречит моему утверждению о том, что невротические конфликты носят бессознательный характер. Но в действительности то, что осознается, представляет искажение или модификацию реального конфликта.
Так, человек может разрываться на части и страдать от осознаваемого конфликта, когда вопреки своим уверткам, помогающим в других обстоятельствах, он обнаруживает, что стоит перед необходимостью принять важное решение. Он не может решить в данный момент, жениться ли ему на этой женщине или на той, и жениться ли ему вообще; согласиться ли ему на эту работу или на ту; сохранить ли ему или прекратить свое участие в некоторой компании. С величайшим страданием он приступит к анализу всех возможностей, переходя от одной из них к другой, и совершенно неспбсобный достигнуть какого-либо определенного решения. В этой бедственной ситуации он может обратиться к аналитику, ожидая от него прояснения ее конкретных причин. И будет разочарован, потому что действующий конфликт представляет просто точку, в которой динамит внутренних разногласии наконец-то взорвался. Частная проблема, угнетающая его в данное время, не может быть решена без прохождения долгой и мучительной дороги осознания конф¬ликтов, скрывающихся за ней.
В других случаях внутренний конфликт может быть экстернализирован и осознаваться человеком уже как неко¬торая несовместимость его самого и его окружения. Или, догадываясь, что, скорее всего, необоснованные страхи и запреты препятствуют реализации его желаний, он может понять, что противоречащие друг другу внутренние влечения проистекают из более глубоких источников.
Чем больше мы узнаем человека, тем более мы способны познавать конфликтующие элементы, которые объясняют симптомы, противоречия и внешние конфликты и, следует добавить, тем более запутанной становится карти¬на из-за числа и разнообразия противоречий. Это подводит нас к вопросу: существует ли какой-нибудь базисный конфликт, лежащий в основе всех частных конфликтов и действительно ответственный за них? Можно ли представить структуру конфликта в терминах, скажем, какого-либо неудачного брака, где нескончаемый ряд явно не связанных друг с другом разногласий и ссор из-за друзей, детей, времени приема пищи, служанок указывает на некоторую фундаментальную дисгармонию самой связи.
Убеждение в существовании базисного конфликта в человеческой личности восходит к древности и играет за¬метную роль в различных религиях и философских концепциях. Силы света и тьмы, Бога и дьявола, добра и зла — вот некоторые из антонимов, с помощью которых это убеждение было выражено. Следуя этому убеждению, как и

многим другим, Фрейд проделал в современной психо¬логии пионерскую работу. Его первым допущением было то, что базисный конфликт существует между нашими инстинктивными влечениями с их слепым стремлением к удовлетворению и запрещающим окружением — семьей и обществом. Запрещающее окружение интернализируется в раннем возрасте и с этого времени существует в виде запрещающего «Сверх-Я».

Вряд ли здесь уместно обсуждать это понятие со всей серьезностью, которой оно заслуживает. Это потребовало бы анализа всех аргументов, выдвинутых против теории либидо. Попробуем скорее понять значение самого понятия либидо, даже если мы отказываемся от теоретических посылок Фрейда. То, что в этом случае остается, представляет спорное утверждение, что противоположность между исходными эгоцентрическими влечениями и нашим запрещающим окружением образует главный источник многообразных конфликтов. Как будет позже показано, я также приписываю этой оппозиции — или тому, что при¬близительно соответствует ей в моей теории — важное место в структуре неврозов. То, что я оспариваю, — это ее базисная природа. Я убеждена, что хотя это и важный конфликт, но он вторичен и становится необходимым лишь в процессе развития невроза.

Основания этого опровержения станут очевидными позже. Сейчас же я приведу только один аргумент: я не верю, что какой-либо конфликт между желаниями и страхами мог объяснить степень, с которой расколото «Я» невротика, и конечный результат, настолько разрушительный, что способен в прямом смысле разрушить жизнь человека. Состояние психики невротика, как его постулирует Фрейд, таково, что тот сохраняет способность искренне стремиться к чему-либо, но его попытки терпят крах из-за блокирующего действия страха. Я же считаю, что источник конфликта вращается вокруг утраты невротиком способности желать чего-либо искренне, потому что его истинные желания разделены, т.е. действуют в противоположных направлениях. В действительности все это намного серьезнее, чем представлял Фрейд.

Вопреки тому факту, что я считаю фундаментальный конфликт более разрушительным, чем Фрейд, мой взгляд на возможность его окончательного разрешения более позитивен, чем его. Согласно Фрейду, базисный конфликт является универсальным и в принципе не может быть разрешен: все, что можно сделать, это достигнуть более выгодного компромисса или более сильного контроля. Со¬гласно моей точке зрения, возникновение базисного не¬вротического конфликта не является неизбежным и его разрешение возможно, если он все-таки возникает — при условии, что пациент готов испытать значительное напря¬жение и готов подвергнуться соответствующим лишениям. Это различие является не вопросом оптимизма или пессимизма, а неизбежным результатом различия наших с Фрейдом посылок.

Более поздний ответ Фрейда на вопрос о базисном конфликте философски выглядит вполне удовлетворительно. Снова оставляя в стороне различные следствия хода мысли Фрейда, мы можем констатировать, что его теория инстинктов «жизни» и «смерти» ужимается до конфликта между конструктивными и деструктивными силами, действующими в человеческих существах. Сам Фрейд был за¬интересован в применении этой теории к анализу конфликтов гораздо меньше, чем в ее применении к тому способу, которым обе силы связаны друг с другом. Например, он видел возможность объяснения мазохистских и садистских влечений в слиянии сексуальных и деструктивных инстинктов.

Применение указанной теории к конфликтам потребовало бы обращения к моральным ценностям. Последние, однако, были для Фрейда незаконными сущностями в сфере науки. В соответствии со своими убеждениями он стремился развить психологию, лишенную моральных ценностей. Я убеждена, что именно эта попытка Фрейда быть «научным» в смысле естественных наук является од¬ной из самых убедительных причин, почему его теории и основанная на ней терапия носят такой ограниченный ха¬рактер. Выражаясь более конкретно, по всей видимости, именно эта попытка способствовала его неудаче в оценке роли конфликтов в неврозе вопреки интенсивной работе в этой области.

Юнг также всячески подчеркивал противоположность человеческих наклонностей. Действительно, на него про¬извела такое впечатление активность личностных противоречий, что он постулировал в качестве общего закона: нали¬чие какой-либо одной тенденции обычно указывает на присутствие ей противоположной. Внешняя женственность подразумевает внутреннюю маскулинность; внешняя экстраверсия — скрытую интроверсию; внешний перевес мыслительной деятельности — внутреннее превосходство чувства и так далее. Сказанное могло создать впечатление, что Юнг рассматривал конфликты как существенную черту невроза. «Однако эти противоположности, — развивает он далее свою мысль, — находятся не в состоянии конфликта, а в состоянии дополнительности, и цель состоит в том, чтобы принять обе противоположности и тем самым при¬близиться к идеалу целостности». Для Юнга невротик — человек, обреченный на одностороннее развитие. Юнг сформулировал эти понятия в терминах того, что он назы¬вает законом дополнительности.

Сейчас я тоже признаю, что противодействующие тенденции содержат элементы дополнительности, ни один из которых не может быть устранен из целостной личности. Но, с моей точки зрения, эти дополняющие друг друга тенденции представляют результат развития невротических конфликтов и так упорно защищаются по той причине, что представляют попытки решения этих конфликтов. Например, если мы считаем склонность к самоанализу, уединению более связанной с чувствами, мыслями и воображением самого невротика, чем с другими людьми в качестве подлинной тенденции — т.е. связанной с конститу¬цией невротика и усиленной его опытом — тогда рассужде¬ние Юнга корректно. Эффективная терапия позволила бы обнаружить у этого невротика скрытые склонности «экстраверта», указала бы на опасность одностороннего следования в каждом из противоположных направлений и поддержала бы его к принятию и жизни вместе с обеими тенденциями. Однако, если мы смотрим на интроверсию (или, как я предпочитаю назвать ее, невротическое обособление) как на способ уклонения от конфликтов, возникающих при тесном контакте с другими, то задача заключается не в развитии большей экстравертивности, а в анализе глубинных конфликтов. Достижение искренности как цели аналитической работы может быть начато только после их разрешения.

Продолжая объяснение моей собственной позиции, я утверждаю, что вижу базисный конфликт невротика в фундаментально противоречащих друг другу аттитюдах, которые он сформировал в отношении других людей. До анализа всех деталей позвольте обратить Ваше внимание на инсценировку такого противоречия в рассказе д-ра Джекилла и г-на Хайда. Мы видим, как один и тот же человек, с одной стороны, нежен, чувствителен, симпатичен, а с другой — груб, черств и эгоистичен. Конечно, я не имею в виду, что невротическое разделение всегда точно соответствует описанному в этом

рассказе. Я просто отмечаю яркое изображение базисной несовместимости аттитюдов, касающихся других людей.
Чтобы понять происхождение проблемы, мы должны вернуться к тому, что я назвала базисной тревогой, подразумевая под этим чувство, которым обладает ребенок, будучи изолированным и беспомощным в потенциально враждебном мире. Большое число враждебных внешних факторов могут вызвать у ребенка такое чувство опасности: прямое или косвенное подчинение, безразличие, неустойчивое поведение, отсутствие внимания к индивидуальным потребностям ребенка, отсутствие руководства, унижение, слишком большое восхищение или отсутствие его, недостаток подлинного тепла, необходимость занимать чью-либо сторону в спорах родителей, слишком много или слишком мало ответственности, чрезмерное покрови¬тельство, дискриминация, невыполненные обещания, враждебная атмосфера и так далее.
Единственный фактор, к которому я хотела бы привлечь особое внимание в этом контексте, это ощущение ребенком скрытого ханжества среди окружающих его лю¬дей: его чувство, что любовь родителей, христианское ми¬лосердие, честность, благородство и тому подобное могут быть только притворством. Частично то, что ребенок чувствует, действительно представляет притворство; но кое-что из его переживаний может быть реакцией на все те противоречия, которые он ощущает в поведении родителей. Обычно, тем не менее, существует некоторая комбинация вызывающих страдание факторов. Они могут быть вне поля зрения аналитика или оказаться совершенно скрытыми. Поэтому в процессе анализа можно только постепенно осознавать их воздействие на развитие ребенка.
Измотанный этими тревожными факторами, ребенок ищет пути к безопасному существованию, выживанию в угрожающем мире. Несмотря на свою слабость и страх, он бессознательно формирует свои тактические действия в соответствии с силами, действующими в его окружении. Поступая таким образом, он не только создает стратегии поведения для данного случая, но и развивает устойчивые наклонности своего характера, становящиеся частью его и личности. Я назвала их «невротическими наклонностями».
Если мы хотим понять, как развиваются конфликты, мы не должны сосредотачиваться слишком сильно на отдельных наклонностях, а скорее принять во внимание общую картину главных направлений, в которых ребенок может и действительно действует при данных обстоятельствах. Хотя мы и теряем на некоторое время из виду детали, зато получаем более ясную перспективу главных приспособительных действий ребенка в отношении своего окружения. Сначала вырисовывается достаточно хаотическая картина, но со временем из нее вычленяются и офор¬мляются три главные стратегии: ребенок может двигаться к людям, против них и от них.
Двигаясь к людям, он признает собственную беспомощность и вопреки своему отчуждению и страхам пыта¬ется завоевать их любовь, опереться на них. Только таким образом он может чувствовать себя безопасным с ними. Если между членами семьи существуют разногласия, то он примкнет к наиболее могущественному члену или группе членов. Подчиняясь им, он получает чувство принадлежности и поддержки, которое позволяет ему чувствовать себя менее слабым и менее изолированным.
Когда ребенок движется против людей, он принимает и считает само собой разумеющимся состояние вражды с окружающими его людьми и побуждается, сознательно или бессознательно, к борьбе с ними. Он решительно не доверяет чувствам

и намерениям других в отношении самого себя. Он хочет быть более сильным и нанести им по¬ражение, частично для своей собственной защиты, частично из-за мести.
Когда он движется от людей, он не хочет ни принадлежать, ни бороться; его единственное желание — держаться в стороне. Ребенок чувствует, что у него не очень много общего с окружающими его людьми, что они совсем его не понимают. Он строит мир из самого себя — в соответствии со своими куклами, книгами и мечтами, своим характе¬ром.
В каждом из этих трех аттитюдов один из элементов базисной тревоги доминирует над всеми остальными: беспомощность в первом, враждебность во втором и изоляция в третьем. Однако проблема состоит в том, что ни одно из указанных движений ребенок не может совершить искренне, потому что условия, в которых формируются эти аттитюды, заставляют их присутствовать одновременно. То, что мы увидели при общем взгляде, представляет только господствующее движение.
То, что сказанное справедливо, становится очевидным, если мы забежим вперед — к полностью развитому неврозу. Мы все знаем взрослых, у которых один из очерченных аттитюдов резко выделяется. Но при этом мы мо¬жем видеть также, что и другие наклонности не прекрати¬ли свое действие. В невротическом типе с доминирующей склонностью искать поддержку и уступать мы можем на¬блюдать предрасположенность к агрессии и некоторое влечение к отчуждению. Личность с доминирующей враждебностью обладает одновременно склонностью к подчинению и отчуждению. И личность со склонностью к от¬чуждению также не существует без влечения к враждебности или желания любви.
Господствующий аттитюд — это тот, который наиболее сильно определяет реальное поведение. Он представ¬ляет те способы и средства противостояния другим, которые позволяют данному конкретному человеку чувствовать себя наиболее свободно. Таким образом, обособленная личность будет использовать как нечто само собой разумеющееся все бессознательные приемы, позволяющие ей удерживать других людей на безопасном расстоянии от себя, потому что для нее затруднительна любая ситуация, требующая установления тесной связи с ними. Кроме того, доминирующий аттитюд часто, но не всегда, представляет аттитюд, наиболее приемлемый с точки зрения разума личности.
Это не означает, что менее заметные аттитюды менее могущественны. Например, часто трудно сказать, уступа¬ет ли желание доминировать у явно зависимой, подчиненной личности по своей интенсивности потребности в любви; ее способы выражения своих агрессивных импульсов просто более запутанны.
То, что сила скрытых наклонностей может быть очень велика, подтверждается многими примерами, в которых господствующий аттитюд заменяется ему противоположным. Мы можем наблюдать такую инверсию у детей, но она случается также и в более поздние периоды.
Страйк-ланд из повести Сомерсета Моэма «Луна и шесть пенсов» будет хорошей иллюстрацией. История болезни некоторых женщин демонстрирует такой вид изменения. Девушка, прежде — сорви-голова, честолюбивая, непослушная, влюбившись, может превратиться в послушную, зависимую женщину, без всяких признаков честолюбия. Или под давлением тяжких обстоятельств обособленная личность может стать болезненно зависимой.
Следует добавить, что случаи, подобные приведенным, проливают некоторый свет на

часто задаваемый вопрос — значит ли что-либо более поздний опыт, являемся ли мы однозначно канализированными, обусловленными раз и навсегда нашим детским опытом. Взгляд на развитие невротика с точки зрения конфликтов открывает нам воз¬можность дать более точный ответ, чем обычно предлагается. Имеются следующие возможности. Если ранний опыт не слишком препятствует спонтанному развитию, то более поздний опыт, особенно юношеский, может иметь решающее воздействие. Однако если воздействие раннего опыта было настолько сильным, что сформировало у ребенка устойчивый паттерн поведения, то никакой новый опыт не будет способен его изменить. Частично это происходит оттого, что подобная устойчивость закрывает ребен¬ка для восприятия нового опыта: например, его отчужде¬ние может быть слишком сильным, чтобы позволить кому-либо приблизиться к нему; или его зависимость имеет настолько глубокие корни, что он вынужден всегда играть подчиненную роль и соглашаться быть эксплуатируемым. Частично это происходит оттого, что ребенок интерпретирует любой новый опыт в языке своего сложившегося паттерна: агрессивный тип, например, сталкивающийся с дружелюбным отношением к себе, будет рассматривать его либо как попытку эксплуатации самого себя, либо как проявление глупости; новый опыт только усилит старый паттерн. Когда невротик действительно заимствует другой аттитюд, это может выглядеть так, как если бы более поздний опыт вызвал некоторое изменение в личности. Одна¬ко это изменение не настолько радикально каким кажется. В действительности происшедшее состоит в том, что внутреннее и внешнее давление, объединенные вместе, вынудили его отказаться от своего доминирующего аттитюда ради другой противоположности. Но этого не случилось бы, если бы прежде всего не было никаких конфликтов.

С точки зрения нормального человека нет никаких оснований считать эти три аттитюда взаимно исключающими. Необходимо уступать другим, бороться и охранять себя. Эти три аттитюда могут дополнять друг друга и содействовать развитию гармоничной целостной личности. Если один аттитюд доминирует, то это только указывает на чрезмерное развитие в каком-либо одном направлении.

Однако при неврозе имеется несколько причин, почему эти аттитюды несовместимы. Невротик негибок, он побуждается к подчинению, борьбе, состоянию отчуждения безотносительно к тому, соответствует ли его действие данному конкретному обстоятельству, и он оказывается в панике, если поступает иначе. Поэтому, когда все три аттитюда выражены в сильной степени, невротик с неизбежностью попадает в серьезный конфликт.

Другим фактором, значительно расширяющим сферу конфликта, является то, что аттитюды не остаются ограниченными областью человеческих отношений, а постепенно пронизывают всю личность в целом, подобно тому, как злокачественная опухоль распространяется по всей ткани организма. В конце концов они охватывают не только отношение невротика к другим людям, но и его жизнь в целом. Если мы не осознаем полностью этот всеохватывающий характер, возникает соблазн охарактеризовать конфликт, выступающий на поверхности, в категорических терминах — любовь против ненависти, уступчивость про¬тив неповиновения и т.д. Однако это было бы также ошибочно, как ошибочно отделять фашизм от демократии по любому одному разделяющему признаку, такому, например, как их различие в подходах к религии или власти. Конечно, эти подходы различны, но исключительное внимание на них затемнило бы то обстоятельство, что демократия и фашизм — это разные общественные системы и

представляют две несовместимые друг с другом философии жизни.
Не случайно, что конфликт, который берет начало с. нашего отношения к другим, с течением времени распространяется на всю личность в целом. Человеческие отношения имеют настолько решающий характер, что они не могут не влиять на качества, которые мы приобретаем, на цели, которые мы себе ставим, на ценности, в которые мы верим. В свою очередь, качества, цели и ценности сами воздействуют на наши отношения с другими людьми, и, таким образом, все они находятся в сложном переплете¬нии друг с другом.
Мое утверждение состоит в том, что конфликт, рож¬денный несовместимостью аттитюдов, составляет ядро неврозов и по этой причине заслуживает быть названным базисным. Я позволю себе добавить, что использую термин ядро не только в некотором метафорическом смысле из-за своей важности, а чтобы подчеркнуть тот факт, что он представляет динамический центр, из которого рождаются неврозы. Это утверждение является центральным в новой теории неврозов, чьи следствия станут более ясными в последующем изложении. В более широкой перспективе эту теорию можно считать развитием моего более раннего представления о том, что неврозы выражают дезорганизацию человеческих отношений.